

Чжуньти и Цзэинь в этот момент полностью растерялись. Когда они пришли в себя, их лица мгновенно посинели от гнева: всего за какое-то мгновение их унизили уже дважды.

— До крайности возмутительно, какое безобразие! — Цзэинь весь дрожал от злости и, протянув руку, попытался указать на Фан Цану и обругать его, но, как ни старался, в голове не нашлось других слов, кроме этих двух фраз.

Услышав голос Цзэиня, Фан Цану, обнимавший красного павлина, с наигранным удивлением произнес:

— Доуинь Цзэинь, с чего это вы здесь!

Едва договорив, Фан Цану тут же перевел взгляд на стоявшего рядом Чжуньти:

— А это доуинь Чжуньти?

Игра Фан Цану выглядела крайне небрежной. Чжуньти и Цзэинь, заметив столь явную фальшь, едва не схватили сердечный приступ. Однако не успели они вымолвить и пару слов, как услышали, как Фан Цану снова заговорил:

— Два доуиня, имея столь прекрасное Врожденное тело Дао, вы с какой стати пошли в свиноделы? Уж не потому ли, что не смогли заполучить сокровище, и теперь занимаетесь самоуничижением?

Фан Цану, разумеется, прекрасно знал, что раны на лицах Чжуньти и Цзэиня, скорее всего, оставил Юаньши, но намеренно заговорил об этом — классический способ сыпать соль на чужие раны.

Едва Фан Цану закончил говорить, лица Чжуньти и Цзэиня помрачнели еще на один оттенок.

А стоявшая рядом Тунтянь продолжила наносить удары:

— Два доуиня поистине забавны: стоило не поделить сокровище, как они тотчас превратились в свиноделов. Впредь мне, пожалуй, стоит почаще оспаривать с вами сокровища.

— Вы, вы оба! Потомок Великого бога Паньгу, а рассуждаете с такой ядовитой речью и занимаетесь бессовестным крючкотворством! — возмущенно обвинил их Цзэинь.

— Чушь собачья! — рывкнул Фан Цану. В его окрике прозвучал отчетливый драконий рык Клана Драконов, так что это слово «чушь» услышал весь Запад.

— Моя пара — один из Саньцин, рожденный из духовной сущности самого Великого бога Паньгу! Кого это ты сейчас оскорбляешь? — уставившись на Цзэиня, потребовал ответа Фан Цану. — Ты пренебрегаешь Великим богом Паньгу!

— Я, я не пренебрегаю! — тут же принялся оправдываться Цзэинь: если бы на него повесили ярлык неуважения к Великому богу Паньгу, в Хунхуане его стал бы бить каждый встречный.

— Пренебрегаешь!

— Не пренебрегаю!

— Пренебрегаешь! Пренебрегаешь! Пренебрегаешь! — Фан Цану во всей красе продемонстрировал Чжуньти и Цзэиню свое беспардонное упрямство и натуру попугая.

Цзэинь попытался было что-то сказать, но Чжуньти остановил его. Глядя на Тунтянь, стоявшую за спиной Фан Цану, Чжуньти принялся убеждать ее:

— Доуинь Шанцин, кронпринц Клана Драконов — ваша пара, но вести себя столь беспринципно и вздорно — значит ронять лицо всей троицы Саньцин.

Услышав это, Тунтянь улыбнулась, опустила взгляд на стоявшего рядом Фан Цану и, мягко посмотрев на него, произвела в адрес Чжуньти:

— Мне по душе нрав моего дракончика. Захочет звезды с неба — луну не предложу, попросит Врожденное высшее сокровище — не дам Врожденное духовное сокровище, но какую бы беду он ни натворил, я за все в ответе. Что же до двух моих старших братьев, то вам двоим тоже не о чем беспокоиться: они маленького дракончика тоже любят.

Стоявший рядом Фан Цану слушал всю эту откровенную чушь, которую несла Тунтянь, включая рассказы о том, как оба старших брата души в нем не чают. Если бы Юаньши не обладал столь сдержанным нравом, он бы давно прихлопнул его жезлом из белого нефрита.

Тем временем выражения лиц Чжуньти и Цзэиня после слов Тунтянь сделались неописуемо сложными, и Фан Цану мысленно подобрал емкое описание для их состояния: «Черт побери, да она полная раба любви!»

В конце концов, сдав назад и подавив желание высказать все накопившееся, Чжуньти и Цзэинь перешли к делу.

— В будущем мне суждено обрести связь с этим павлином. Зачем вы двое разрушаете мою предначертанную встречу? — вернувшись к главной теме, громко спросил Чжуньти у Фан Цану.

В следующую секунду глаза Фан Цану покраснели, и он, повернувшись к Тунтянь, пожаловался:

— Ой-ой, он такой свирепый, мне страшно!

Тунтянь тут же принялась его утешать, а затем обратилась к Чжуньти:

— Зачем доуинь свирепничает перед ним? Он ведь всего-навсего недавно родившийся маленький дракончик.

Недавно родившийся? Маленький дракончик?

Вы видели маленьких дракончиков, которые едва появившись на свет, норовят прорваться на позднюю ступень Золотого Бессмертного Тайи и уже отлупили Куньпэна уровня Золотого Бессмертного Дало? К тому же он родился совсем недавно, а ты уже сделала его своей парой — Тунтянь, ты вообще человек?

Чжуньти и Цзинь решили, что Тунтянь просто отмахивается от них — самым бессовестным образом отмахивается.

Фан Цану же тем временем смахнул слезы рукой и, глядя на Чжуньти, поинтересовался:

— Раз уж доуинь утверждает, что у тебя есть кармическая связь с Куньсюанем, позволь спросить: эта связь относится к настоящему или к будущему?

— К будущему, — ответил Чжуньти. Хотя он еще не знал, в чем именно заключается эта встреча, он отчетливо чувствовал, что Куньсюань чрезвычайно важен для него.

Фан Цану шмыгнул носом, мимоходом вытер слезы о перья на хвосте Куньсюаня, а затем в упор посмотрел на Чжуньти:

— Но какое отношение будущее имеет к настоящему? Ты что, берешь предначертанную встречу в кредит? Я бы тоже хотел оформить такой кредит: по-моему, твое Семидрагоценное чудесное дерево — прекрасная вещь, оно связано с моим будущим, так что отдавай-ка его мне прямо сейчас.

С этими словами Фан Цану протянул свою чистую белую ладошку, требуя у Чжуньти его Семидрагоценное чудесное дерево.

Чжуньти остолбенел. Всегда они сами выпрашивали у других сокровища, но он и помыслить не мог, что настанет день, когда кто-то потребует сокровище у них. Ощущение было крайне неприятным, хуже некуда.

— Доуинь шутит, Семидрагоценное чудесное дерево — мое врожденное сокровище, как его можно просто так отдавать людям? — Чжуньти выдавил из себя улыбку. Семидрагоценное чудесное дерево вполне могло стать его будущим сокровищем просветления Дао, и отдать эту вещь кому-то другому он не мог.

Услышав это, Фан Цану прижал к себе Куньсюаня еще крепче и заявил Чжуньти:

— Куньсюань — личный ученик моей пары. Что такое? Неужели живой ученик моей пары с выдающимися талантами не достоин твоего трухлявого дерева?

— Доуинь, нельзя же так говорить, просто Куньсюань и впрямь связан с нами кармическими узами, — беспомощно произнес Цзэинь.

У Фан Цану снова покатались слезы, и он произнес:

— Ты говоришь, что он связан с тобой — значит связан, а я говорю, что связан с Семидрагоценным чудесным деревом — почему же ты не отдаешь его мне?

— Доуинь, кредитовать кармическую связь нельзя. Разве ты не знаешь поговорку: кто берет в долг заранее, в итоге остается без штанов?

С этими словами Фан Цану невольно покосился на западных небожителей, которые в пылу спора с ним совершенно забыли одеться.

— Два доуиня, нравы в Хунхуане, конечно, свободные, но одежду все же стоит носить прилично. Если вдруг поблизости окажутся женщины-практикующие, оскорбить чужие глаза было бы нехорошо, — с предельно серьезным видом посоветовал Фан Цану.

Однако Чжуньти и Цзэинь неожиданно уловили в его словах отчетливый подтекст насмешки.

— Ты! — у Чжуньти, чей словарный запас ругательств был до обидного скуден, не нашлось слов для ответа, а любые попытки воззвать к здравому смыслу Фан Цану с легкостью отметал.

Видя это, Цзэинь помрачнел и процедил:

— За сегодняшнее унижение мы непременно вернем вам долг сторицей.

После этих слов выражение лица Тунтянь мгновенно переменилось. Воспоминания, связанные с великой битвой Божественного Запечатывания, хлынули в ее сознание, и она возжаждала разорвать стоявших перед ней двоих на куски.

В тот самый момент, когда Меч Цинпин уже был готов вылететь из ножен, Фан Цану перехватил руку Тунтянь. Ледяной холод, свойственный клану драконов, помог той прийти в себя.

В следующее мгновение Фан Цану бросился в объятия Тунтянь и всхлипнул:

— Ой-ой, я знаю, что тебе неприятно смотреть, как другие издеваются надо мной, но все равно не злись так сильно.

Куньсюань, оказавшись зажатым между Фан Цану и Тунтянь, страдал больше всех: ему казалось, что эти двое сейчас помнут все его красивые перья.

А западная двоица сочла поведение Тунтянь безнадежным проявлением слепой влюбленности и не придавала ее мимолетному убийственному намерению никакого значения.

Когда Чжуньти и Цзэинь удалились, Фан Цану отстранился от Тунтянь и спросил:

— Успокоилась?

Юноша в черных даосских одеждах медленно открыл глаза: взгляд его был совершенно спокоен — очевидно, разум полностью к нему вернулся.

Тунтянь протянула руку и потрепала Фан Цану по голове, после чего произнесла:

— Я просто вспомнила прошлое.

Разрушение Цзецзяо и гибель учеников были вечной болью в сердце Тунтянь, а главными выгодоприобретателями в той истории как раз выступали Чжуньти и Цзэинь с Запада.

Фан Цану, обнимая красного павлина, кивнул в знак утешения:

— Теперь все иначе, чем раньше.

С этими словами он опустил голову и принялся пинать носком камни под ногами.

В следующее мгновение кто-то приподнял его за подбородок, и чьи-то пальцы тотчас ущипнули его за пухлые щеки.

— Маленький доуинь и впрямь редко меня утешает, — тихо прошептала Тунтянь ему на ухо. — Что же делать, я ведь влюбляюсь в тебя все сильнее?

Фан Цану сохранил на лице полнейшее равнодушие, решив про себя, что утешать Тунтянь определенно не стоило.

Тунтянь, глядя на абсолютное отсутствие реакции со стороны Фан Цану, отпустила его щеку. Раньше можно было хотя бы полюбоваться на то, как маленький доуинь теряется от смущения, но теперь, когда тот привык, он и вовсе перестал реагировать.

Дождавшись, пока Тунтянь уберет руку с его лица, Фан Цану со всей серьезностью заявил:

— Образ раба любви тебе совершенно не подходит.

— Раба любви? Образ? — нахмурилась Тунтянь.

— Ну, это такой сценарный образ персонажа, который ради любви готов пойти на любые безумства, — пояснил Фан Цану.

— Тогда хочешь, я пойду на любые безумства ради маленького доуиня? — с улыбкой наклонилась к нему Тунтянь.

И тут же Фан Цану оттолкнул ее лицо ладонью.

— Давай-ка приберемся...

Не успел Фан Цану договорить, как в поле его зрения внезапно появились Юаньши и Лао-цзы.

— Эм... — протянул он.

— М? — удивилась Тунтянь.

— Мама Юаньши пришла. Кажется, он очень рассержен, — произнес Фан Цану, после чего, прижимая к себе павлина, молча отступил назад, выставляя стоявшую позади Тунтянь на передний план.

Тунтянь, заметив разъяренного Юаньши, тащившего коромысло, тоже испугалась и невольно воскликнула:

— Второй брат!

— Что ты только что сказал? Ради кого ты готов пойти на любые безумства? — с мрачным выражением лица спросил Юаньши.

— Я...

Не успела Тунтянь договорить, как занесенное высоко над головой Юаньши коромысло с грохотом опустилось на нее.

— Ай, ай, ай, бьей полегче! — предостерег Юаньши шедший следом Лао-цзы, с болью в сердце косясь на собственное коромысло.

— Ты готов на любые безумства, да еще и учеником кронпринца Клана Фениксов сделал! Тебе мало хлопот с одним драконом, так ты еще и с фениксами связался! Смотри, завтра еще и цилиня в ученики возьмешь, решишь собрать всю троицу звериных кланов?!

— Верно, ты еще про какую-то любовь рассуждал! Получай же свою любовь!

Наконец Лао-цзы перехватил руки Юаньши:

— Хватит бить, перестань! Если покалечишь, потом ведь самой же и жалеть придется!

С этими словами он сделал знак Тунтянь глазами, и та немедленно воспользовалась моментом, увлекая за собой Фан Цану и Куньсюаня прочь из пещеры.

— Все из-за того, что ты потакаешь ей, Тунтянь и стала такой непослушной, что смеет творить что вздумается!

Оказавшись снаружи, Фан Цану сидел на облаке и прислушивался к доносившимся изнутри бранным крикам Юаньши. Испытывая легкий трепет, он сказал Тунтянь:

— По-моему, свекрови и невестке лучше жить отдельно.

Тунтянь, услышав это, с абсолютно согласным видом кивнула:

— Ты совершенно прав.

<http://bllate.org/book/21824/2259969>